

А.А. Гируцкий, зав. кафедрой теории и истории языка БГПУ,
доктор филологических наук, профессор

ПЕРЕВОДЫ ПОЭЗИИ М. ТАНКА НА РУССКИЙ ЯЗЫК В КОНТЕКСТЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО БИЛИНГВИЗМА

Художественный билингвизм занимает видное место в развитии и взаимообогащении языков и литератур. С тех пор как существует художественная литература, существует и взаимодействие языков в этой области. Оно обуславливается прежде всего закономерностями развития мировой литературы, единством ее литературного процесса. Как справедливо утверждал академик М.П. Алексеев, изолированных национальных литератур не существует, все они «взаимосвязаны то общностью своего происхождения, то аналогиями в своей эволюции, то наличием существующих между ними непосредственных отношений и взаимовлияний, то, наконец, двумя или тремя указанными условиями одновременно в их разнообразных возможных сочетаниях» [1, с. 179]. В равной степени не существует изолированных друг от друга языков. Любой литературный язык развивается не только за счет своих внутренних ресурсов, но и путем взаимодействия и контактирования с другими языками.

Художественный билингвизм как факт литературного творчества прослеживается еще с античной эпохи, для которой характерны латино-греческая и греко-латинская формы двуязычия как свидетельство взаимодействия и взаимовлияния латинского и греческого языков, литератур и культур Рима и Эллады. Так, в языке поэмы римского поэта Лукреция (около 98 – 55 гг. до н. э.) «О природе вещей» исследователи обнаруживают довольно большое количество грецизмов, часть из которых используется поэтом в художественно-стилистических целях. На язык «Римской истории» Аппиана (II в. н. э.), написанной на греческом языке, сильное влияние оказал латинский язык. Различные формы художественного двуязычия и многоязычия присущи литературе после-

дующих эпох, прослеживаясь в литературе практически всех стран и континентов [об этом см. подробнее: 2, с. 10 - 20].

Традиционное понимание литературного двуязычия как творчества на неродном языке или двух языках покоится в первую очередь на различиях, обусловленных процессом творчества только на языке, который является для писателя родным, и его спецификой на неродном или двух языках. Эти различия в образной форме отразил И.С. Тургенев, который утверждал: «Можно писать только на своем языке. Когда я пишу по-русски, я свободен. Когда пишу по-французски, я чувствую себя стесненным. Когда пишу по-английски, то мне кажется, будто я надел на ноги слишком тесные сапоги» [1, с. 12]. Якуб Колас, писавший по-белорусски и по-русски, отмечал: «Русский язык не может вызвать в таком полном объеме, когда я пишу, тех ощущений, тех чувств и той колоритности, которые свойственны белорусскому языку, белорусским картинам, в каком дает белорусский язык, с молоком матери вошедший в мою природу» [3, с. 22]. Безусловно, такая несвобода является одной из причин появления инонациональных языковых средств в художественном тексте. Однако чаще всего включение в текст произведений элементов другого языка обусловлено объектом художественного отражения, законами художественного творчества. Например, в эпопее Л.Н. Толстого «Война и мир», для которого русский язык является родным, половина действующих лиц говорит по-французски, что обусловлено фактом существования русско-французского двуязычия в повседневной жизни того времени.

Художественная литература является одним из путей проникновения заимствований в тот или иной язык. Употребление иноязычного слова в художественной речи может послужить первым шагом к его закреплению в данном языке, привести к изменению семантического и стилистического объема, функций элементов заимствующего языка, к активизации той или иной словообразовательной модели. Например, употребление в своих произведениях на русском языке А.С. Пушкиным, М.Ю. Лермонтовым, А.С. Грибоедовым и другими пи-

сателями и поэтами грузинских слов привело к проникновению в русский язык значительного количества грузинизмов. Огромно количество тюркизмов в произведениях русских писателей, связанных с тюркской тематикой, что способствовало закреплению тюркизмов в русском языке. В гоголевский период в русский язык через художественную литературу вошла целая серия украинских слов.

Поэтому в более широком плане художественный билингвизм можно определить как творчество с использованием в художественных текстах инонациональных языковых средств. Элементы других языков используются в них как художественное средство для отражения живой действительности с ее социальными, религиозными, политическими, национальными, языковыми особенностями. При этом ситуация двуязычия в художественном тексте может отражаться двояко: в сюжетно-тематической структуре произведения и в его языке. Например, достаточно точно охарактеризовал распределение языков и их функции в Беларуси середины XIX в. В. Короткевич в романе «Каласы пад сярпом тваім»: в кругах белорусской аристократии на приемах преобладает французский язык; несмотря на поражение восстания 1830 г., еще широко употребляется и польский язык; активно начинает распространяться русский язык, а белорусский язык все еще остается «мужицким» языком. Характерной особенностью стиля романа болгарского писателя И. Вазова «Под игом» является смешение языковых пластов, где болгарский язык обслуживает низовую жизнь, тюркизмы – общение на бытовом уровне, русизмы – область политики, европеизмы – сферу философско-нравственных размышлений. Иноязычные элементы помогают передать национальный колорит, особенности языковой ситуации описываемого периода, служат средством речевой характеристики персонажей. Они выступают также в качестве дополнительной смысловой, эмоциональной и экспрессивной характеристики образов. В поэтических произведениях иноязычные вкрапления часто используются для создания звукопи-

си, каламбуров, в иных поэтических целях. Однако злоупотребление ими снижает эстетическую ценность художественного произведения.

Крупнейшие теоретики перевода относили перевод к художественному творчеству. Так, А.В. Федоров утверждал, что перевод художественной литературы «разрешает художественные творческие задачи, требует литературного мастерства и относится к области искусства» [4, с. 21]. Г. Гачечиладзе полагал, что «художественный перевод относится к области художественного творчества, подчиняется его закономерностям и с языковыми законами находится в таком же отношении, как и оригинальное творчество» [5, с. 88].

Во многих лингвистических трудах перевод рассматривается как особый вид двуязычия. Б.А. Ларин подчеркивал, что «перевод есть высшая, а именно: вполне дифференцированная формация билингвизма» [6, с. 6]. В.Н. Комиссаров указывает на то, что «отличительным признаком перевода является участие в процессе общения двух языков, его двуязычный характер» [7, с. 31]. В этой связи нельзя не упомянуть о том, что перевод может оказывать значительное влияние на развитие системы того или иного языка, то есть иметь результатом обычные последствия билингвизма. Общеизвестно, что на развитие русского языка, особенно его лексической системы, значительное влияние оказали в свое время переводы с западноевропейских языков. Недостаточность словообразовательных средств русского народного и книжно-церковнославянского языков приводила к тому, что в переводах появлялось множество непереуведенных слов и калек. Художественный перевод является, таким образом, одной из форм литературных взаимосвязей между народами, в процессе перевода происходит взаимное проникновение и обогащение литератур, культур и языков.

Художественная литература Беларуси – оригинальная и переводная – также является той сферой, где протекают активные процессы взаимодействия языков и культур. Основным результатом такого взаимодействия является наличие в фонетических, грамматических, лексико-семантических и стилистических структурах языка художественных произведений определенной совокуп-

ности элементов двух языков – белорусского и русского. Взаимодействие белорусской и русской культур и языков имеет свои специфические черты в силу общности исторических судеб белорусского и русского народов, генетического родства и близости систем двух языков.

Определенное представление об особенностях белорусско-русского художественного двуязычия дает переводная поэзия М. Танка. Поэзия М. Танка переведена на многие языки мира. В русском переводе наиболее полно представляет творчество поэта трехтомник, изданный в Москве издательством «Художественная литература». Как отмечают исследователи, географические параметры поэзии М. Танка чрезвычайно широки: от Беловежской пуши до сибирской тайги, от парижских бульваров до автострад Северной Америки, от Ледовитого океана до побережья Чили. Но, конечно же, прежде всего и чаще всего его произведения строятся на белорусском материале, что делает неизбежным употребление белорусизмов в русских переводах, подчиненное решению определенных идейно-эстетических задач.

Естественно употребление в русских переводах белорусских топонимов. Они широко представлены как в текстах стихотворений, так и в их названиях: *«Нарочь, как море, шумит...»*, *Над Припятью*, *«Люблю твои, Нарочь, заливы и тони...»*, *Беларусь / Беларуси*, *Бой на Березине*, *Сон над Неманом*, *Тростенец*, *Утро в Минске*, *В Бресте*, *На Мядельщине*, *На Новогрудской горе*, *В Витебске*, *На Долгиновском тракте*, *Пильковщина*, *Полесский край* и т. д. Белорусские топонимы выполняют в русских текстах не только различительные и адресные функции. Помимо прямой номинации, они служат опоэтизированными наименованиями, часто выступают как символы белорусского края, создают местный, локальный колорит, подчеркивают любовь поэта к тем местам, где он родился и вырос, как, например, в этом стихотворении:

Люблю твои, Нарочь, заливы и тони,
Лишь ветер туманы развесит без края –
И вспенятся волны в серебряном звоне,

То звезды целуя, то месяц качая.

Люблю, когда в солнце горишь позолотой,
Полотнами волны раскинув широко,
Когда в непогоду грустишь заодно ты
С рыбацкими песнями, с шумной осокой.

Люблю твои бури, в грозе молодею,
Как в песне, в ней юная радость со мною,
И хочется грудью прижаться теснее
К могучему, в пене косматой, прибюю.

Любимым символом родной поэту Мядельщины, Нарочанского края в поэзии М. Танка выступает сосна. И хотя лексема *сосна* свойственна и русскому, и белорусскому языкам, однако у Танка она приобретает символический смысл. Это не только корабельная мачта, под которой он плывет в родные места, не только сам Нарочанский край, но и вековечное дерево, символ бессмертия белорусского народа. Нарочанские сосны, их просмоленные стволы имеют у М. Танка свой особый голос, неповторимый аромат:

Будь я даже глухим,
Все равно
Среди тысяч и тысяч сосен
Отличил бы я шум
Своих нарочанских.
Будь я даже слепым,
Все равно я узнал бы их сразу,
Обнимая стволы
И вдыхая знакомые смолы.

Органичным является употребление в русских переводах белорусизма *хата*. Например, в стихотворении «У старой хаты» белорусизмы *хата*, *хатенка*

не только делают узнаваемой безымянную родину, но и подчеркивают убогость жилища:

Стою у старой хаты,
В которой было
Больше жалоб на жизнь,
Чем самой жизни,
Больше дыма от лучины,
Чем света,
Больше едоков,
Чем ложек,
Больше чугунков,
Чем супу,
Больше сверчков,
Чем крошек хлеба,
Больше несбыточных слов,
Чем сучков на бревнах...

И я сомневаюсь все больше
В том, что казалось истиной.
Неужели хатенка эта
Была колыбелью песни?

Белорусская языковая стихия характерна для переводов поэзии М. Танка на русский язык. В рассматриваемых текстах она проявляется в наличии в структуре поэтических произведений определенного количества различных типов белорусизмов: *колер, хата, криница, польмя, стреха, журавина, жито, большак, радуница, чарка, росстани, рушник, сеножать, заручины* и т. д. Белорусизмы создают специфический национальный колорит, дополнительную смысловую или эмоциональную характеристику образа, выступают действенным художественным средством.

Поэтическое творчество М. Танка опирается на его предшественников – белорусских и русских. Поэтому неудивительно, что в его поэзии переплетаются стихи двух культур, двух литератур. Об этом свидетельствуют стихи, посвященные своим учителям, а в собственно языковом плане – употребление имен белорусских и русских поэтов в названиях и текстах стихотворений: *У могилы Максима Богдановича, Якубу Коласу, Янке Купале, В доме А.С. Пушкина, Водопад Адама Мицкевича, Сергею Есенину, Перечитывая Максима Богдановича, У памятника Янке Купале, У памятника Якубу Коласу* и др. Их употребление свидетельствует о тесной связи поэзии М. Танка с белорусской и русской литературной традицией, о бережном отношении поэта к литературе.

Белорусские и польские антропонимы в целом широко представлены в русских переводах. Здесь и исторические деятели (*Калиновский*), и поэтические персонажи: *Янук Сялиба, Яносик, Люциал, Тополя, Михась, Зоська, Марыля, Язеп, Ганка* и др. В этих именах заключена не только идентификация личности, но и национальный колорит – исторический и бытовой.

Я. Хелемский, один из талантливых переводчиков поэзии М. Танка на русский язык, характеризуя особенности творчества поэта, отмечал, что «его свободный стих полон красок, запахов, звуков, навеянных белорусской природой и белорусской речью», а также пронизан белорусской мелодией. Вместе с тем в его строках идущих от народной песни, всегда отчетливо слышны ритмы нашего века, подчеркивал переводчик [8, с. 22]. Художественный билингвизм дает возможность сохранить эти особенности танковской поэзии и в русских переводах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев, М.П. Восприятие иностранных литератур и проблема иноязычия // Труды юбилейной научной сессии. Секция филол. наук / М.П. Алексеев. – Л., 1946.

2. Гируцкий, А.А. Белорусско-русский художественный билингвизм: типология и история, языковые процессы / А.А. Гируцкий. – Мн., 1990.
3. Колас, Я. Собр. соч.: В 14 т. Т. 13 / Я.Колас. – Мн., 1977.
4. Федоров, А.В. Основы общей теории перевода: лингвистический очерк / А.В. Федоров. – М., 1968.
5. Гачечиладзе, Г. Художественный перевод и литературные взаимосвязи / Г. Гачечиладзе. – М., 1980.
6. Ларин, Б.А. Наши задачи // Теория и критика перевода / Б.А. Ларин. – Л., 1962.
7. Комиссаров, В.Н. Лингвистика перевода / В.Н. Комиссаров. – М., 1980.
8. Танк, М. Собр. соч. в 3-х т. Т. 1 / М. Танк. – М., 1985.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ